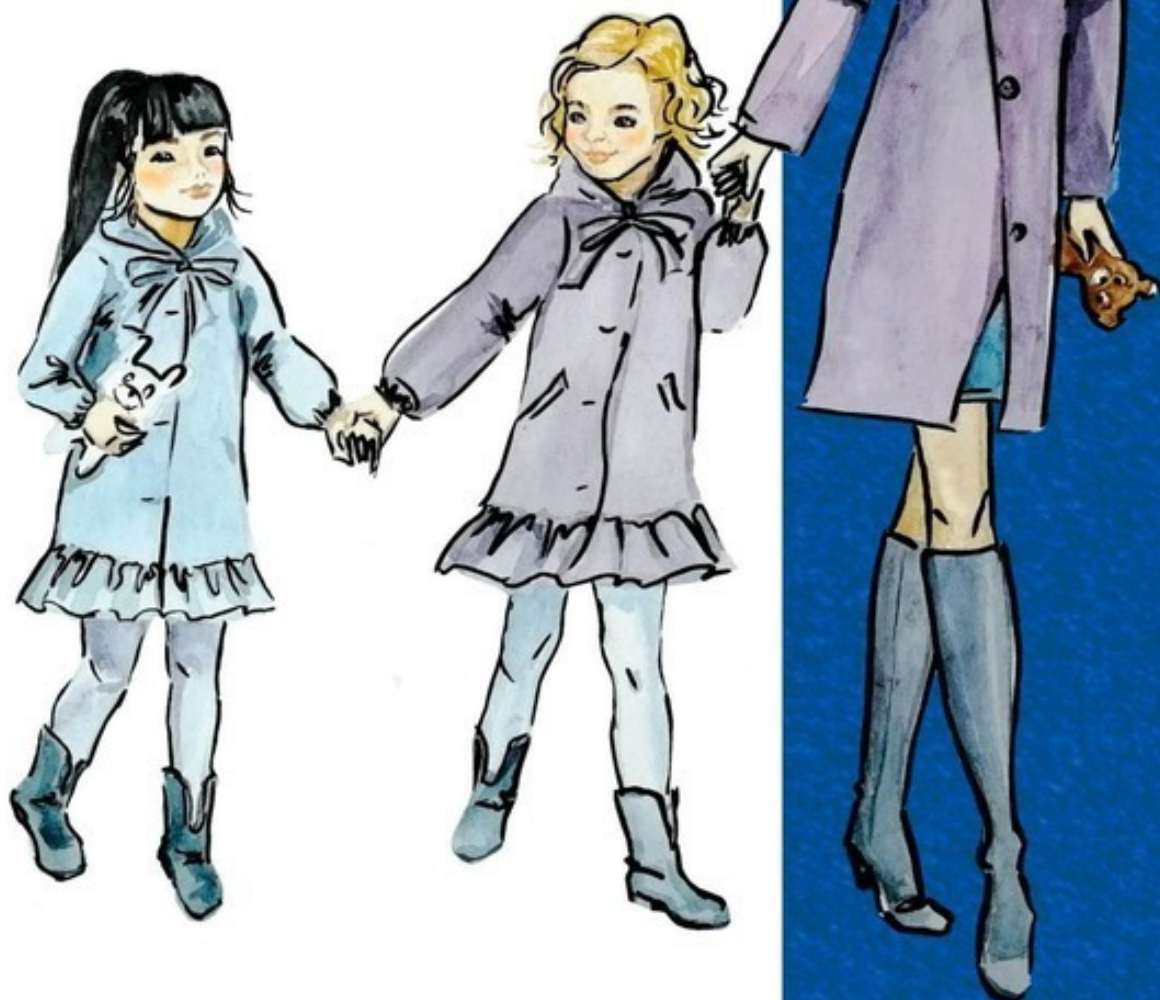

наталия доброжан

Мы тебя ждали!

Жизнь обычная. Ребенок приемный

Наталия Доброжан

**Мы тебя ждали! Жизнь
обычная. Ребенок приемный**

«Издательские решения»

Доброжан Н.

Мы тебя ждали! Жизнь обычная. Ребенок приемный /
Н. Доброжан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933772-6

Книга о современной семье, в которой появляется приемный ребенок. О радости и боли, о страхе, разочаровании и преодолении — в новой жизни, которая уже не будет прежней; в центре повествования — мама, решившая принять в семью вторую дочь, и ее дети.

ISBN 978-5-44-933772-6

© Доброжан Н.
© Издательские решения

Содержание

«Мы тебя ждали...»	6
Глава 1. Жили-были мы и ты	8
Глава 2. Весна	15
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Мы тебя ждали! **Жизнь обычная. Ребенок приемный**

Наталия Доброжан

Иллюстратор Елена Бикаева

© Наталия Доброжан, 2018

© Елена Бикаева, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-3772-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Мы тебя ждали...»

Отзывы

– Прочитала прекрасную книгу Наталии Доброжан – рассказ приемной мамы о том, как в семье появилась еще одна дочка. Внешне очень простой безыскусный рассказ: жили-были мама и дочка шести лет – светленькая непоседа... Потом мама решила взять приемную девочку – серьезную темноволосую Дашу. И зажили они втроем – девочки то дружили, то ссорились, мама делила время между двумя работами и сестренками, началась школа – не всё было легко, а иногда и очень нелегко. Но за всеми этими обычными делами и вещами появляется, прорисовывается главное – радость встречи с человеком, маленьким, сложным, не всегда понятным, но уже забравшимся в твоё сердце, уже твоим, внезапно ставшим родным с первой встречи. Это веселое удивление – как это незнакомые люди прикипают друг к другу, как рождается эта близость и почему без этого уже невозможно жить – именно это, на мой взгляд, и подкупает в книге. За рассказом о каждом дне встает рассказ о том, как мы встречаемся и какой радостной и необычной может стать поэтому наша жизнь.

В книге Наталии Доброжан нет советов и выдержек из книг по психологии (хотя сама Наталия и психолог), там просто жизнь, и девочка Даша – не «депривированный ребенок с трудным поведением», а просто маленькая девочка. Такая же девочка, как и родная дочка. Мне кажется, что это очень вдохновляющий и поддерживающий подход. В книгах о приемных детях за описанием и объяснением проблем часто теряется важное – что они просто дети.

Я очень рада, что знакома с этой симпатичной семьей. Мама, не теряющая чувства юмора, и две интересные сестренки, – прекрасные спутники в путешествии в мир спонтанности, поиска, ежедневного творчества – мир детства и семьи. Искренняя, трогательная, живо и легко написанная книга.

Наталья Степина, педагог, руководитель Ресурсного центра помощи приемным семьям с особыми детьми (Благотворительный фонд помощи детям-сиротам «Здесь и сейчас»), Москва

– Часто люди перед приемом ребенка в семью испытывают страх и смущение – словно готовятся открыть ящик Пандоры. И чем ответственнее подходит родитель к подготовке, чем больше узнает по теме, тем больше будет этих страхов. Поэтому так ценна эта книга – честно, весело и без назиданий описывающая первый год жизни семьи с приемным ребенком. Для будущих приемных родителей это возможность пройти год адаптации «за ручку» с автором и ее семьей, для уже состоявшихся – вспомнить, улыбнуться, помечтать и... возможно, задуматься о еще одном ребенке!

Самобытно, мило и свежо, очень искренне.

Татьяна Фалина, приемная мама пятнадцати детей, Нижний Новгород

– Я считаю, что написание этой книги очень важно и полезно.

Во-первых, для самого приемного ребёнка, описанного в книге – Даша будет расти, и у неё обязательно будут появляться вопросы: почему приезд в другой город и в новую семью произошёл именно с ней и как с этим жить... Во-вторых, для описанной в книге приемной семьи в целом, для приемной мамы Наталии Доброжан – в первую очередь, ведь когда человек перекладывает на бумагу свои мысли и структурирует опыт, который пришлось пережить, происходят инсайты и осознание многих вещей! Ну и, в-третьих, эта книга будет очень полезна для тех, кто хочет стать приемным родителем.

Принятие решения стать приемным родителем у любого серьезного человека всегда происходит непросто. Это очень большая ответственность и важная ноша, но, с другой стороны, открытый и искренний рассказ о том, что ребёнок, рождённый сердцем, может стать на всю жизнь родным – это вдохновляет!

Гульнара Гарифулина, директор Благотворительного Фонда «Дети Байкала», Иркутск

– История одного опекуинства – одна из многих и для каждого своя...

В книге Наталии рассказана жизнь семьи с приемным ребенком: доброе и теплое повествование о буднях и праздниках, горестях и радостях, проблемах и их возможном решении, педагогических находках мамы и маленьких победах темноглазой Дарёнки и озорной Лалёнки.

Книга написана легким, доступным языком, автор с юмором и изобретательностью решает многие вопросы и проблемы, возникающие перед семьей в целом и детьми в отдельности.

При прочтении книги меня впечатлили усилия, которые Наталия приложила к развитию интеллектуальных и физических способностей приемного ребенка, адаптации Даши к школе, комфортному существованию в семье и социуме – учитывая опыт воспитания троих детей, ощутила укол совести – я столько не сделала для всех троих. Ну что ж, мне есть к чему стремиться и что взять на вооружение.

Читая про жизнь семьи с приемным ребенком, вспомнила свой неудавшийся опыт приемного родительства.

Несколько лет назад наша семья готова была принять в свои ряды третьего сына – маленького друга наших мальчишек, оставшегося без родителей и ставшего ненужным своим многочисленным родственникам, однако этой истории было суждено закончиться ничем – как только мы заинтересовались мальчиком, его родственники активизировались и забрали его к себе. Другого ребенка взять мы оказались не готовы. У мальчика так и не сложились отношения с родными, я до сих пор переживаю, как он справится со взрослой уже своей жизнью.

Прочитав книгу, я испытала некоторое облегчение от того, что, возможно, именно этой неудачей я не принесла своим детям дополнительные проблемы, и я вряд ли смогла бы уделить столько внимания приемному ребенку. И в то же время – сожаление, ведь на моих глазах судьба ребенка, который стал небезразличен нашей семье, складывалась не лучшим образом, а возможностей помочь ему было немного. Возможно, все сложилось бы совершенно другим образом, если бы он оказался у нас. Может быть, и не так, но одно я поняла точно – перед принятием решения о приёмном ребёнке нужно очень хорошо взвесить свои возможности и силы, поскольку это потребует максимальной отдачи и мудрости от родителей.

melody of summer, несостоявшийся усыновитель

Глава 1. Жили-были мы и ты

Смысл жизни в том, на что она потрачена

– Мальчик! Сын! Наташааааа! Ты будешь такая мама для мальчика! Они такие нежные! Ты не представляешь, как они привязаны к мамам! Они обожают мам! И они очень трепетные! Это будет такой прелестный контраст с твоей Лалёной! А ей как здорово будет, ты только представь! Она сразу станет нежнее, ведь это такая прелесть – мальчики! Вот ты попробуй, и тебе обязательно понравится! Мальчик, только мальчик! – в один голос друзья.

Это все настолько убедительно, что я потратила еще неделю, только чтобы написать запрос в опеку и мне официально добавили «ребенка обоего пола» в заключении. На всякий случай.

Я, в удивлении, подруге Наташе:

– И что? Почему все говорят, что с мальчиком нам хорошо будет? И на ШПР то же самое: у вас девочка, надо мальчика. Я же девочку сразу думала, а тут – мальчик! А я вообще не представляю... это все равно как я хочу девочку, а мне говорят... ну, я не знаю... ну – «Слушай, деревья – это такая классная штука! возьми лучше дерево! тебе понравится»!

Подруга Наташа:

– Мальчики, они потрясающие. Они обожают мам, они трепетные и нежные. Но знаешь что, Наташа, бери девочку. А деревья будешь брать, когда у тебя свой сад появится.

Исчерпывающе.

Девочка.

Я получаю заключение о возможности принять ребенка первого июня – два года назад, в 2016 году. Дважды съездив через полстраны – и так и не забрав девочку, которая мне очень нравилась, я совершенно разбитая приезжаю домой. А в сентябре рассматриваю фотографии заново – и на меня невероятными глазами, полными света, смотрит Даша. Легкий, распахнутый взгляд, улыбка и ожидание. Я нахожу ее видеоролик на «Измени одну жизнь». Разные дети, разные анкеты. Девочка, с которой я знакомилась – три тысячи просмотров. У Даши – двести... Чудесный ребенок, стихи читает. Строго смотрит в экран, серьезно и внимательно пишет что-то в тетрадке, собранная, грустная... А на ранней съемке! Это же просто невыразимо прекрасная девочка! Сияет вся, крошечная, кругленькая, так мило отнекивается – видно, что ее уговаривают из-за стула выйти, а она прикрывает глазки и смеется, качает головой из стороны в сторону... и вот в итоге – двести просмотров.

Я смотрю в сияющие Дашины глаза и решаю звонить и узнавать. Лали прыгает перед экраном: «Вот эту, вот эту, мама, вот эту мы возьмем обязательно девочку!»

Я дозваниваюсь. Обозначились трудности со здоровьем и бабушка, которая навещает и собирает Дашу забирать. И я с какой-то тяжестью решила – ну нет, если еще и бабушка, и в семью ребенку не надо... как рвать по-живому и на чем-то настаивать? Я совершенно к этому не готова.

И ладно.

Уже спустя полгода, наверное, когда стало понятно, что с другими детьми по разным причинам как-то не складывается, я решила еще раз позвонить. Приятный молодой человек, подумав, сказал, что у бабушки Дашу забрать не получается и ребенку ищется семья.

Смотрю снова Дашины видеоролики – там, где она маленькая, сразу ощущение чего-то очень своего: милая круглая мордашка, коротенькие черные волосы. Даша улыбается так, что у меня замирает сердце.

Съемка, где повзрослевшая худенькая Даша, строгая, сухонькая, читает стихи, приводит меня в затруднение – у нас очень шумная и деятельная семья, понравится ли ребенку у нас?

Не будем ли мы ей в тягость и изумление с нашим вечным раскардашем? Честно говоря, я очень боялась, что Даша не надумает к нам ехать – такой это сознательный и важный был ребенок, что от нее всего можно было ожидать. В конце концов я решаю, что мы такие, какие есть и на всяк пирожок есть своя тарелочка – едем.

Мы празднуем Лалин день рождения двенадцатого марта и выезжаем за Дашей на следующее утро. В сумке одежда, игрушки и книжки – и Лали в дорогу, потому что едем мы поездом, и подарки Даше.

Подъезжая к Иркутску, мы звоним Ольге Викторовне – директору центра, где находится Даша, и составляем план: если мы быстро успеваем к региональному оператору, то после обеда уже увидимся с Дашей.

В Иркутске солнечно и тепло, красиво и очень похоже на мою родную Башкирию. С деревьев свисают коричневые послезимние петушки – я их сто лет не видела. Иркутск большой, все далеко, мы едем на такси. Я настолько нервничаю, что замечаю происходящее как через пелену. Лали вертит головой во все стороны.

Региональный оператор выдает направление на знакомство с Дашей. Женщина, сидящая сбоку, посмотрев на нас с Лали, на то, как она играет с дочкой сотрудницы из соседнего кабинета, вдруг ни с того ни с сего сокрушенно говорит:

– Вы Дашу не заберете. Я ее видела. Она совершенно другая, не такая, как на видео. Вы же понимаете, их снимают так, что они все хорошие... и она совсем ведь на вас не похожа.

У меня падает сердце. Я уже видела ребенка, который вживую совершенно не похож на себя самого на видео... Я давлю внутри себя что-то тоскливое и безнадежное и понимаю, что приехали мы с дочерью, и она очень ждет встречи с «девочкой Дашей», и не заберем мы Дашу в одном случае – если только она сама категорически не захочет к нам.

– Заберем, – говорю я женщине, сидящей сбоку. Она пожимает плечами и склоняется над своими бумагами.

Мы приезжаем с дочерью в Центр помощи семье и детям. Здание выглядит как обычная многоэтажка. Сразу за ним – большой и красивый храм, в котором, как мы узнаем позже, крестили Дашу, и школа, в которой она учится в первом классе.

Солнце льется в окна, на первом этаже аквариум, к которому Лали прилипает носом, высокие сводчатые двери совершенно не напоминают казенное страшное учреждение, где содержатся дети. Мы ждем. Сначала директора, потом специалиста по социальной работе, потом врача. Разговариваем с ними, я слушаю грустную Дашину историю, диагнозы, которых уже не боюсь, в конце концов нам обещают привести Дашу и мы поднимаемся наверх.

Наверху, в отделении, где живут дети, еще больше солнца, тишина и одиночество. Даши нет очень долго. Мы вдвоем с Лали в кабинете, уже устали от ожидания. Лалёна проявила инициативу, сбегала куда-то узнать, что ж так долго, и приходит с объяснением, что Дашу готовят. Ну хорошо, ждем... И наконец мы слышим шаги и разговоры в коридоре. Мы с Лалёной прячемся за дверь, из-за двери выглядывает только собачка, которую подарила моя сестра будущей племяннице и Золушка-малышка – кукла в голубом платье.

Заходит Даша и игрушки тянутся к ней и машут ручками-лапками:

– Привет, Даша!

И Даша смеется от неожиданности и говорит хриплым, низким, гортанным голосом:

– Привет!

И переводит на меня бездонный взгляд. И все разом встает на свои места. И мое упавшее сердце тоже встает на свое обычное место. И если говорят, что любви к приемному ребенку с первой минуты не бывает... Бывает. И с первой секунды тоже.

– Привет, Даша! – говорю я, – мы к тебе... Мы за тобой приехали. Поедешь с нами? Будешь с нами жить?

– Да! – сразу кивает Даша.

Нас фотографируют вместе с девочками, я плачу, размахиваю руками и спрашиваю:
– Где что нужно подписать? Давайте я что-нибудь скорее подпишу...

Мне еще не верится, что, наконец, все так, как мне и хотелось. Уже вместе с Лали и Дашей мы делаем браслеты обеим девочкам – из разноцветных бусин.

Даша очень естественная на этой встрече – она отрицательно вертит головой, когда ее спрашивают, любит ли она школу, и добавляет тихо:

– Физкультуру только.

– Как тебе лучше меня звать? – разговариваем мы с ней позже, – мамой, наверное, неприлично, ведь ты маму хорошо помнишь? Давай пока – Наташей, а там – как проще будет.

Даша не против, и почти на год я становлюсь ей Наташей – то ли тетей, то ли старшей сестрой, то ли воспитателем.

От поездки у меня до сих пор осталось ощущение тепла, уважительности и внимания к нашему желанию – со стороны всех, с кем мы обсуждали решение забрать Дашу. Бесконечного изумления по поводу того, что обстоятельства могут складываться еще и так – я буду забирать приемного ребенка из рук бабушки и дяди... Бабушка, полная тезка Даши – Дарья Ивановна, приходит к директору на беседу со мной, чтобы познакомиться. Они очень похожи с Дашей – и прежде всего, манерой разговора – бабушка сдержанна и доброжелательна в целом, и неожиданно звонко смеется. Я рассказываю ей, что мы с Лалёной – обычная семья, и Даше можем обещать не золотые горы, но все наше внимание и бережность.

Сразу же после разговора с Дарьей Ивановной едем в опеку. Пока мы оформляем документы, Лали доходит до полного изнеможения. Она ползает на животе по кабинетам опеки, заглядывает из-под столов наверх к сотрудникам и хохочет, не в состоянии успокоиться. Ей начинают выдавать листочки и ручки, маркеры и степлеры, и в результате у нее в руках оказывается полноценная автобиография – стараниями сердобольных сотрудников опеки туда вписаны все родственники Ла, и даже «деда Шкаф» и «баба Чайник» – уже ее собственными усилиями. Нам обещают поскорее оформить документы – я очень прошу по возможности не затягивать оформление бумаг. Мы обедаем с Лали в Доме кино и, когда выходим оттуда, нам звонят, что постановление об опеке готово. Мы мчимся за постановлением и в аэропорт – за билетами. Билет на Дашу я покупаю по копии ее свидетельства о рождении, которую мне дали в опеке.

Можно выдохнуть. Я звоню директору детского дома сообщить о том, что, оказывается, мы можем забрать Дашу хоть сейчас. Но Даша с ночевкой у бабушки – прощается с семьей.

Что ж, есть немного времени. Едем в КомсоМолл, находим верхнюю одежду девочкам. Меня не остановить – я скупаю все, что вижу, подозреваю, что от стресса. С пакетами и сумками едем в гостиницу. Гостиница – «Добрый кот», тихое и красивое заведение, в котором мы переночуем с Дашей, когда заберем ее. Родные и знакомые требуют отчета – что и как, когда уже и каким транспортом... Всем пишем, что все нормально, а детали будут уже завтра. У меня нет «первой фотографии вместе» – остается только ждать фото от сотрудников, снимавших нашу встречу, и эти кадры нам позже прислали.

Мы забираем Дашу через день – с Дашей прощается не только семья, но и дедушка, который находится в доме престарелых. Дедушка не видит.

Год спустя Даша расскажет, что дедушка говорил ей:

– Не уезжай, если ты уедешь, я умру. У меня и так жизни мало осталось, сказали врачи, а тут еще и ты уезжаешь...

– Господи, доча, – пугаюсь я, – и как же ты поехала после этого?

Даша поднимает на меня спокойные взрослые глаза:

– Он просто очень не хотел, чтобы я уезжала.

...Рано утром девятнадцатого марта я иду в парикмахерскую в соседнем с гостиницей доме.

– Что делаем? – спрашивает мастер.

– Надо, чтобы красиво, – говорю я.

– О, у вас что-то важное намечается? – улыбается мастер, глядя на меня в зеркале.

Я, подумав, решаюсь:

– Да, важное. Мы забираем девочку, она в детском доме. Мы забираем ее в Сургут.

– Как это? – спрашивает девушка в веселом изумлении, – вы берете ребенка из детского дома, просто так? Ого, как здорово!

– Ну да, наверное, здорово. Правда, это проект с открытым финалом... Просто так.

– Ну тогда вам надо быть очень красивой, – решительно говорит парикмахер и мы смеемся. Я рассказываю, какая чудесная Даша, и понимаю, что могу говорить про нее бесконечно.

Я выхожу из парикмахерской, вдохновленная пожеланиями всех-всех-всех возможных благ и радости с нашей новой девочкой!

Утро длится. Мы с Лаленой приезжаем за Дашей. Пока мы ждем ее и бабушку, отдаем торты сотрудникам. Бабушка привозит Дашу, Даша бежит прощаться с девочками в комнату, где она жила. Мы получаем документы, вещи и, собственно, саму Дашу. Обеим девочкам накладывают сумку карандашей, фломастеров, красок и альбомов:

– Берите, это вам на двоих! Не обижайте друг друга и играйте вместе!

И наконец мы выходим на улицу... и все вместе едем на Байкал с бабушкой и дядей Даши.

День очень большой. Мы приезжаем, обедаем в кафе и выходим гулять. Мне не очень хорошо, я с трудом переношу поездки в легковых машинах, но Даше и Лали поездка в радость. Мы были в музейном комплексе на Листвянке, аквариуме, Лалёна наизумлялась на нерп. Нафотографировались и нагулялись по замерзшему Байкалу, на обратном пути заехали в развлекательный центр.

Когда приезжаем в гостиницу, устало пьем чай и укладываемся спать. Я отношу Дашу в ванную перед сном, и мне кажется, что она весит не на треть меньше Лали, а в три раза меньше.

Я сушу Даше волосы феном. Черный шелк растекается у нее по плечам, скрывает всю ее, сидящую на кровати, и Лали говорит в изумлении:

– Мама, это такие волосы у нее?

– Да, доча, представляешь, бывают такие волосы.

...Рано утром, еще почти ночью Дарья Ивановна и дядя Ваня везут нас в аэропорт.

К тому моменту, когда мы улетали из Иркутска, я, наверное, раз пять слышала от разных людей:

– Но вы же **СОВЕРШЕННО** не похожи!

Вот вообще не так ни разу. Более похожего на меня и более близкого мне по духу ребенка, чем Даша, сложно представить. Она любопытная, выдержанная, тактичная и сумасбродная – она чудесная. Она более мягкая и воспитанная, чем моя суматошная младшая дочь. Она более терпеливая, чем я. И да, она не такая, как на видео. Мы так и не нашли, к сожалению, ту съемку, где Даша, строгая, серьезная, читает стих о том, как она стала первоклассницей. На самом деле она очень смешливая. У нее потрясающее чувство юмора. И ослепительная улыбка.

Отступление

Мы живем в Сургуте. У нас холодно – и зимой и летом, снежно и практически нет детей на усыновление и под опеку – как правило, их привозят из других регионов.

У меня неполная семья. Дочке Лали было пять лет, когда мы решили взять в семью ребенка. Моя работа всегда была связана с психологией – я долго была психологом в социаль-

ном центре помощи семье и детям. Сейчас я работаю в «Золотом сердце» – чаще это медицинское учреждение называют хосписом.

Ощущение несомненности, что у меня будут приемные дети, было со мной очень давно. Мне кажется, всегда и было. У каждого приемного родителя, наверное, есть история ребенка, с которого все начиналось – такая история, даже несколько, есть и у меня.

Я была в летнем лагере. Лагерь был в Башкирии, в Стерлитамаке, там очень красиво, и лагерь хороший – в зеленом густом лесу, с походами на речку и «Зарницей», и вафлями на полдник, и с кефиром перед сном. А! и с дискотеками – Юра Шатунов и «Белые розы»... И вот среди беззаботности и летнего шума были еще и дети из детского дома. Маленькие стриженные девочки, разбитные пацаны лет семи-восьми с нахальными глазами и лысыми макушками... Почему-то они почти все были в одинаковых футболках, а некоторые в школьных формах. Девочка Оля очень от них отличалась – улыбчивая, с прозрачными серыми глазами, тоненькая и очень сообразительная. Часто смотрю на ее фотографию – очень хотела бы узнать, как сложилась ее жизнь... И еще я работала в шестнадцать лет в Доме ребенка в том же Стерлитамаке, няней. До сих пор помню Будулая, маленького пухленького цыгана, про которого все няни и воспитатели говорили – придет мать, заберет, как работник понадобится... Молчаливую крошечную Антонину, которую нам дали на выходные домой и которую моя мама уложила спать, когда мы с сестрой не справились... У детей в группе половина комнаты была отгорожена, и там стояли фигурки игрушек в национальных костюмах, целая композиция – настолько яркие, настолько притягательные – детей туда не пускали. Они постоянно пытались проникнуть за стульчики, которыми отгородили игрушки – детей выпроваживали, тащили за руку и ругали. Я работала в группе двух-трехлетних малышей – не говорил у нас ни один ребенок.

В группе новорожденных, где я подменяла няню, когда детей укачивали, они засыпали долго, пеленки были к засыпанию мокрые – так и укладывали, их иначе «не напереодеваться». И они засыпали. Памперсов тогда еще не было вовсе. Я ничего не могла для них сделать – не позволяло ни материальное положение, ни возраст.

И уже когда у меня была Лалёна, и была она совсем маленькая, я увидела в Сургуте ее ровесницу – Лену, девочку с расщелиной неба – почитала про ее диагнозы и поняла, что ребенка, которому нужны несколько операций, взять я не смогу – оставить Лалёну на время операций Лены я бы не сумела. Я помню, как горевала, думала об этой девочке, а когда додумалась, что нужно узнать, чем еще ей можно помочь, Лены в базе уже не было.

После моего декретного отпуска прошло еще немного времени и я поняла, что не хочу больше откладывать появление ребенка. Сложнее всего оказалось оформлять бумаги на уже принятую к нам в семью Дашу – а прохождение ШПР, сбор документов и оформление заключения о приеме ребенка в семью – это все было незаметно. Всего на оформления разрешения быть приемным родителем ушло два с половиной месяца – самым долгим было прохождение ШПР. Медицинскую комиссию я прошла за пять дней.

Я разговаривала с близкими, с друзьями, и реакция на мое желание была совершенно разной – от «Благословляю» до «Только не это». Меня огорчало насмешливое и ироничное отношение. Мне казалось, мои стремления настолько понятны, что... как можно меня не поддержать?

Саму Школу приемных родителей я проходила в три приема. Та, в которой я начала обучение, относилась к району, в ней очень удобно было заниматься по скайпу. Меня перевели в городскую школу приемных родителей, так как жила я в городе и занятия для нас, городских жителей, должны были проходить здесь. После ее окончания я оказалась по приглашению Татьяны Губиной в заочной школе – ее уроки запомнились и оказались наиболее полезны. Непредвзятое отношение к происхождению и истории жизни детей в детских домах, внимательное отношение к участникам, сама атмосфера общения с усыновителями из разных регионов и стран была очень живой и прочувствованной.

Я работаю в хосписе больше трех лет. То, что я прожила там... оно и сейчас длится – это ощущение стремительности и хрупкости жизни – привело к ощущению: все, что хочется, нужно делать сейчас. Жизнь нужно наполнять тем смыслом, которым хочется ее наполнить.

Читая блоги некоторых приемных мам, я удивляюсь планам, грандиозным целям и амбициям: «Мой сын понял, что его био – абы что», «Мне нужно, чтобы ребенку было понятно, какого уровня даны ему возможности в нашей семье...», «Моим детям будет полезно рождение моего кровного ребенка...», «Тебе повезло, я твоя мама...», «Мы даем шанс моим детям стать в будущем другими людьми... полноценно строить свою судьбу...».

У меня немного другое отношение к происходящему. Мне просто было ощутимо больно за детей, которым приходится жить не в родных семьях. Мне не очень нравилась (если не сказать сильнее), атмосфера в детских садах, где мне довелось работать воспитателем, у меня в силу постоянных переездов нашей семьи было шесть школ – и я видела много сложного и противоречивого в тех детских общностях, где я была. Возможно, если бы я не пережила травлю в школе из-за банальной причины – высокого роста, я бы проще относилась к возникающим у детей трудностям в общении и душевном развитии... Но если я, девочка-отличница и умница-разумница, с трудом могла отстоять свое право на своеобразие, отличие и спокойную жизнь среди подростков – что говорить о детях, предоставленных самим себе? О детях, у которых намного больше затруднений и особенностей, чем необычайно высокий рост или переезды вслед за семьей.

Не уверена, что смогу столь же уверенно заявить, что обеспечиваю своему ребенку полезные переживания и стабильное будущее, все же наша с Дашей жизнь – это проект с открытым финалом – скорее сейчас, здесь, в настоящем я живу так, как мне хочется и с теми ценностями, которые для меня важны – и делюсь ими с моими детьми.

У меня не было и нет особого апломба по отношению к тому, что я делала и делаю для Даши. Просто живем вместе, рядом, и я стараюсь все время придерживать себя в своей восторженности по отношению к дочерям – цыплят ведь по осени считают, но мне этой осени трудно дождаться. Я считаю, что с девочками мне невысказанно повезло!

Мы ссоримся, дружим, сталкиваемся с противоречиями и решаем их по мере сил (и не всегда успешно). Более того, я очень благодарна судьбе за то, что Даша у нас появилась – мне сам процесс воспитания детей доставляет удовольствие. Воспитывать такого ребенка, как Даша – один сплошной интеллектуальный квест с непредсказуемыми поворотами, и даже в самые тяжелые моменты я думаю о том, где взять силы для восстановления, а не пропитываюсь сожалениями, что я сделала что-то не то, взяв Дашу, или негодованием по поводу того, что ребенок не ценит меня. Бывает, и не ценит. Вопит, возмущается, рывкает в ответ и хоть тресни.

Даша приехала, и наша семья в итоге стала еще более суматошной, веселой и непредсказуемой. Это принесло в нашу жизнь много света. И трудностей тоже – и они преодолимы.

Хочу добавить, что прием Даши в нашу семью должен был состояться и произошел не благодаря моим значительным возможностям, а скорее вопреки определенным ограничениям и с пониманием, как распорядиться скромными ресурсами – временными, материальными, организационными. У меня на данный момент обычный среднестатистический доход, не очень большая квартира, не слишком много желания включать в нашу жизнь различные службы поддержки, и я изначально не рассчитывала на нянь, друзей и бабушек-дедушек (хотя было так, что приходилось обращаться и к ним, и все помогали по мере сил). В моем распоряжении было немного времени для поездки за Дашей и не слишком большой отрезок времени для того, чтобы в период предполагаемой адаптации постоянно быть дома. Взять малыша или подростка, ребенка с более сложным прошлым или с более серьезным отставанием в развитии я объективно не могла. Поэтому в нашей жизни могла появиться и появилась именно такая девочка, как Даша – подросшая, сохранная, с сильными для меня диагнозами... и невероятно красивая, хочется добавить!

Каким-то чудесным образом так получилось, что девочка, одна из первых увиденных мной в базе данных, спустя немало времени стала моей дочерью – и решающим оказались не досконально просчитанные доводы «за и против», здесь скорее было много сомнений... а эмоциональное принятие, симпатия к ней и ощущение «своего» ребенка, то самое «ёкнуло».

Вот так и появилась у нас Даша.

Глава 2. Весна

Март.

Мы приезжаем домой.

В первый вечер я слышу из кухни, как Даша кричит:

– Ты плохая! Ты мне не сестра! Я хочу к маме!

Я бросаюсь к девочкам, беру Дашу на руки... она плачет, захлебываясь слезами и мне нечего больше сказать, кроме:

– Куда ж теперь к маме... куда ж к маме...

Лали растерянно стоит рядом.

В первые же дни, как Даша попадает домой, возникает ощущение, что она жила у нас всегда. Все игрушки на месте, все школьные блузки на плечиках, туфли и ботинки расставлены под вешалкой. Даша рвется мыть посуду и раскладывает свои вещи, вещи новые и их много, детский дом, кроме карандашей и фломастеров, дал с собой сумку одежды – Даша занята постоянно.

В общем, первые дни Даши у нас не очень отличаются от того, как мы живем сейчас – она с удовольствием наводит порядок (это чаще всего – с удовольствием, но всякое бывает), разбирает вещи (но тут же может сложить все как попало), играет с Лалёной (и достаточно часто они выясняют отношения и ссорятся) и ходит за мной хвостом (тут практически без перемен). Похоже, что у нас не было ни медового месяца, ни адаптации – я не могу найти особых отличий, как ни стараюсь.

Стоит прекрасная солнечная погода, мы выходим на улицу и тут выясняется, что Даша не может гулять больше десяти – пятнадцати минут. Она устает – бездонные оленьи глаза становятся тусклыми, личико заостряется и она говорит:

– Наташа, пошли домой.

Со временем ситуация переменится совершенно, но поначалу меня это пугало – на вид крепкая и хорошо сложенная, Даша не сразу привыкает к большим прогулкам. А мы с Лалёной без них жизни не представляем.

У нас то солнечно, то снежно и холодно. И на горке во дворе можно кататься до апреля. Девочки так и делают – осталось много фотографий, которые мы тут же отправляли Дашиной бабушке.

Мы в один из Дашиных первых дней дома идем в парк к церкви. Дети бегут к игровому комплексу. С хохотом и криками пробегают мимо соседских детей – весь наш двор в полном составе, кажется, пришел к этому городку. Даша, даже когда убегает, постоянно оборачивается ко мне крошечным личиком в шлеме – больше четырех лет не дашь. Наша соседка Маша оказывается тут же и живо вглядывается в Дашу:

– О, это что за девочка у тебя?

– Это – Даша наша, мы ее привезли из Иркутска. Мы взяли девочку из детского дома. (Вот ничего толкового не придумалось, пока я решала, как я буду отвечать на неизбежные вопросы. Ну, сейчас узнаем, что люди в таких ситуациях в ответ слышат).

Маша смеется:

– Да ладно! А серьезно? Племяшка, что ли? Я смотрю, и куртки одинаковые.
– Но это серьезно, – только и могу ответить я. А что тут еще скажешь?

Маша опять смеется, с интересом смотрит на меня и еще некоторое время не может поверить.

– Нет, правда, что ли? Взяли ребенка из детского дома? Я про такое только слышала... – говорит Маша, – вот ты молодец! Я думаю, это просто какие-то... люди, которых мало. Я бы никогда не смогла!

И все! И никто больше особо и не заморачивался. Появление нашей девочки Даши не вызвало особого резонанса – жила она себе с нами дальше и радовала.

Даша постоянно озвучивает происходящее. Ей что-то говоришь, а она: «Чхсшшскрхр», «Пдыщ-пдыщ», «Фрсшшр-ффррррр», «Щхррищ», «Пах-пах». И до сих пор так. И часто говорит странным каким-то языком: «Рри-арри-виврри-рри-жжж-рррь-рруарррррр» и так далее. И стрекочет иногда, как сверчок, особенно, когда в растерянности – как такое может выдать человеческий артикуляционный аппарат, я не знаю, но до сих пор фыркаю от неожиданности. Даша тут же заливается смехом.

Татьяна Николаевна, коллега по работе, увидев Дашу на фото, передает нам поздравления с прибавлением в семье со словами: «У Даши мудрые глаза». Мне это важно – Татьяна Николаевна не скрывала сомнений, когда я брала Дашу, стоит ли брать чужого ребенка в дом – генетику ведь не изменишь... Но сейчас она говорит теплые слова и, мне кажется, искренне за нас рада!

Неделю после приезда мы пробыли дома. Я ездила на работу, отдавала бумаги после отпуска.

Меня поздравляли и спрашивали:

– Как вы?

И я помню, что отвечала:

– Не знаю, как будет дальше, но сейчас все как будто встало на свои места. Все так, как должно быть.

И я не преувеличивала – совсем.

Пока еще шли каникулы (а первую неделю, как мы приехали, каникулы и были), я записала Дашу в школу – в 1 В класс. Про эту школу есть разные отклики, и когда-то по работе я приезжала в нее и мне она нравится – в ней светло и уютно, есть бассейн. Даже два! Стекланный потолок в холле – высокий, в два этажа. У меня нет сомнений, что Даше понравится и она хорошо включится в учебу – Ольга Викторовна сказала, что она успешно справляется с программой.

(– Даш, сейчас про школу пишу. Что хорошего в вашей школе еще?

– Все плохо.

Я неполиткорректно скрываю невольный смех, вместо того, чтобы бросаться и расспрашивать, что не так – нараспрашивалась за этот год до полного владения информацией.

– Ну есть, конечно... Бассейн!

Ну и то...)

Даша непрерывно говорила. Спрашивала, рассказывала, переспрашивала. Я все время отвечала на ее вопросы, Лалена тоже пыталась что-то пояснить Даше, но той нужно было просто постоянно спрашивать и любых ответов было мало.

Даша часто повторяет очевидные вещи. Так она перепроверяет и принимает реальность и привыкает к новому дому. Помимо этого, так как она психологически существенно младше своего возраста, она просто произносит вслух то, что делает, как это свойственно двух-трех-летним детям. Детский дом в первые полгода упорно называет детским садиком – некоторое время я оторопело слушала и не понимала, поправлять ли ее. После какого-то времени мы все уже столько раз обсуждали прошлое и настоящее Даши, и столько раз назвали детдом детдомом, что уже так и говорили – никто не запинаясь.

– После завтрака ходят же гулять, да, Наташа? Когда выходные. А когда школа – в школу.

– Мы когда встречаем знакомых, надо же поздороваться?

– После выходных – рабочие дни.

– Это правильно – собирать крошки после обеда. У нас в детском саду было так же, и еще генеральная по субботам.

– Нужно же переодеваться после улицы, да?

– После прогулки моют руки. Надо мыть руки.

– Давай, Лалечка, надевай варежки. Надо же надевать варежки, когда гулять идем. Да, Наташа?

– Вещи нужно складывать аккуратно, это же правильно, да?

– Ведь каждый ребенок в семье живет, да? А я не в семье жила. А вы искали такую хорошую девочку, и вот меня и взяли, да? А как вы меня нашли?

– Да, Даша. Мы искали именно такую девочку, как ты. Каждый ребенок должен жить в семье. Ты будешь жить в нашей – а нашли мы тебя в базе данных – это чтобы и другие родители могли так же найти детей. Хочешь посмотреть?

Даша еще около месяца была в Федеральной базе. С Литтлвана я просила модераторов убрать ее много позже – информация со всеми диагнозами в одной из тем висела, как оказалось, до лета.

...Еще Даша старалась стоять рядом со мной. Всегда. Что бы ни происходило. Не говоря уже о том, что несколько часов после самолета на автобусе из Нижневартовска до Сургута мы ехали с ней в обнимку, или она просто стояла рядом, когда я уже не могла держать ее на коленях – так и дома она просто не отходит от меня. Что бы я ни делала, за редким исключением, Даша тут же и просто смотрит на меня – похлопывая ручками, забравшись на диван или усевшись за стол и подперев щеку.

Мне трудно постоянно давать ей подтверждение, что я вижу ее, помню о ней, думаю о ней. Но все, что от меня зависит, я делаю.

Даша погружена в происходящее и мало говорит о прежней жизни, только часто вспоминает маму:

– Это же жалко, что моя мама умерла, да, Наташа? Я скучаю по ней. Мне жалко, что папа потерялся.

– Я вижу, Даша. Очень жалко.

Нам привозят мебель – шкафы и кровати для девочек, белоснежные, аккуратные, со встроенными ящиками для одежды. Радости моей нет предела. Кроватки приходится доделывать – мастера приезжают еще не раз, но в результате мебель служит нам безупречно – тяжелая, устойчивая, надежная и очень красивая.

Мы приносим из магазинов новую одежду, украшения для волос, обувь. Мне никак не привыкнуть, что Даша, которая старше Лали на два года, носит не одежду хотя бы ее размера – сто двадцать восемь, а преспокойно помещается в футболки для трех-четырёхлетних детей – сто четыре сантиметра. Я внутренне ужасаюсь. Я весь год буду донимать врачей:

– Скажите, ну как может ребенок вырасти на четыре, шесть, восемь сантиметров – а в весе практически не набирать? И размер у нее остается тот же, она же не худеет? Как так?

– Ну, как пластилин, – наконец ответит мне кто-то из врачей, – Вверх тянется, а вес тот же.

В конце концов я решу, что Даша, наверное, где-то в шее и талии растёт, не иначе. И руки еще вытянулись – это по рукавам заметно было!

В конце марта мы начинаем заниматься в изостудии. У нее красивое название «Fly», и мы так и говорим – «идем на Флай». Студия не близко, но и не далеко. Лали ходит на занятия почти полтора года, ей очень нравится.

Мне кажется, что там очень хорошо – задания посильные для детей и интересные, два часа дети занимаются с преподавателями, словно сошедшими со страниц модных журналов – стильными, юными, уверенными и заботливыми одновременно, в перерыве успевают пить чай и общаться. Студия расположена в необычном помещении – небольшом, неправильной формы, на верхнем этаже офисного здания с панорамными окнами, оно даже с улицы выглядит таинственно и светит огнями по вечерам – в студии занимаются взрослые. Даша подключается к еженедельным занятиям осторожно, неуверенно, но постепенно привыкает и до середины лета, когда в студии объявляют перерыв, занимается с интересом и старанием.

Ее хвалят преподаватели, бросаются приветствовать дети, когда мы приходим, самой ей нравятся рисунки, которые у нее получаются. Но с осени каждый раз, когда мы собираемся, она паникует и плачет:

– У меня не получится! Там трудно! Я не смогу!

Спрашиваю Лали, как Даше на занятиях?

– Да все прекрасно, мам, ей же помогают... Она шутит, смеется, я проблем не замечала.

Тем не менее, Даша прекратит занятия ровно через год – и сейчас настаивает, что не хочет заниматься дальше – а что рисунки прелестные, и вроде и нравилось – да ну и что.

Объяснить, что же ей не нравится, не может – не нравится, и все.

Всю весну, а далее и первую половину лета мы в банках, пенсионном фонде, опеке и МФЦ – переоформляем пенсию Даше.

Поездки в инстанции – то по холоду, то по жаре – чередуются с походами по врачам и ничего, кроме усталости, пока не приносят.

В МФЦ нам особенно повезло – мы четырежды приезжали и меняли заявление о переводе пенсии, оформленное не совсем правильно.

Эти поездки и походы (а еще были визиты специалистов из опеки, и наши походы в опеку, со справками и документами) – одно из самых сложных и выматывающих мероприятий за весь первый Дашин год у нас. Я боялась что-то сделать не так, слишком расстраивалась из-за резкого тона сотрудников, и тогда еще не понимала, что это не мне надо чувствовать себя тотально подконтрольной (было так, что мы переносили поездку на дачу, когда нам звонили и говорили, что сейчас приедут из опеки), а я сама могу попросить проконсультировать меня по непонятным мне вопросам.

Ну и не по всем непонятным вопросам меня, собственно, могли проконсультировать.

Как мы уже к середине лета выяснили, по некоторым аспектам личного дела Даши – она – первый и единственный ребенок в городе... На ходу приходилось выяснять в Иркутске, что нам делать и какие еще запросы отправлять в учреждения – это отнимало много времени и я, опять же, со своей повышенной переживательной способностью, терялась там, где более сухой и деловой тон был уместнее, как я сейчас понимаю.

Мы читаем – запоем. Всегда было очень много книг у Лали, Даша появилась, и нужно включаться в чтение и с ней. Читаем о школьниках в целом и просто о сообразительных детях – в частности. «Самый большой подарок», «Катруся», «Подружки идут в школу», «Сначала – налево, потом – направо», «Приключения Шуры и Маруси», «Как жила Тася», «Первоклассница»... Слушаем эти вещи – на ночь или по выходным – не по одному разу – привыкаем к школе.

Читаем детские стихи – чем проще, тем лучше – все Лалины дошкольные серии хорошо идут, на них Даша больше всего откликается – и до сих пор очень любит именно стихи для совсем маленьких.

Мне кажется важным не перегрузить Дашу интеллектуально, поэтому еще мы часто занимаемся совсем детскими занятиями, простенькими, вроде мыльных пузырей или вырезания фигурок из бумаги – и часть книг, заказанных для девочек, тоже была специально приобретена в расчете на «погружение в регресс» – для снятия напряжения, которое неминуемо возникло при появлении у нас Даши. Пушистые, шершавые, яркие, не понятные с ходу – все, встречавшиеся у нас Даше книги, были подобраны так, чтобы быть максимально притягательными.

Читаем простенькие сказки – Даша не может ответить ни на один вопрос, хотя слушает внимательно. Если предложить ей выбрать из готовых ответов – выберет правильный. И до сих пор, к сожалению, если Даше что-то нужно уточнить у меня, вспомнить какие-то детали событий, пусть даже недавних, – она говорит с запинками, с напряжением. Говорит легко и быстро, когда мы играем, когда обсуждаем бытовые темы, когда занимаемся уроками – то есть там, где не нужны сложносочиненные конструкции и быстрое изложение своей точки зрения.

Мы стараемся не столько обсуждать героев сказок и пересказывать сюжетные повороты, сколько, на первое время, как можно более точно сказать – о чем сказка? Про что рассказ? Что тут главное, в этих стихах? И пока не больше.

Позже мы запишем Дашу в библиотеку и чуть меньше станем заказывать книг в интернет-магазинах.

Я выбираю на сайте Лабиринта тетради Кумона – и на сейчас, сразу выполнять, и на потом – заказываю много, боюсь, что не угадаю с заданиями – Даша хорошо занимается, когда работа ей по душе.

Хотя я, наверное, зря переживала – Даше очень нравится все наши занятия – они разные, и для нее это чаще всего игра. Книга «Говори правильно» – логопедический альбом. С ней Даша сидит сама и просит меня пояснить задания в ней. Многие сложные слова – «жюри», «абажур» – можно сразу рассмотреть на иллюстрациях, можно почитать стихи. В заданиях

к каждой странице есть еще и вопросы, и просьба прочитать еще один стих... Две страницы этой книжки с выполнением заданий – «Нарисуй разноцветные драже», например, мы делаем в день, примерно по пять – восемь минут на занятие. И таких крошечных занятий у нас за день много.

Со времен моей работы в детском саду у нас остались наборы карточек с заданиями для развития фонематического слуха – много работаем с Дашей по ним – вернее, Даша думает, что это игра – карточки сделаны из открыток и фотографий. Распевает песенки водички и комара и счастлива.

Еще был и есть счет и решение задач по рабочим тетрадям Кумона (действительно хорошие задания) и мои рабочие инструменты – метафорические карты, таблицы чувств и эмоций, задания для прояснения чувств в теле, карты «Смыслы жизни» и много привлекающих внимание наборов, открыток, карточек – на все возможные темы.

Даша – ребенок с великим интересом ко всем загадкам, кроссвордам, разрезным картинкам и настольным играм.

Наши походы в магазины канцтоваров всегда заканчиваются приходом домой с полными пакетами новых игр или развивающих книг – прописей, книг о животных или раскрасок.

Некоторые спокойные выходные дни проходят у нас под поедание вкусного и шуршание страниц.

Даша постоянно просит поставить любимую песню: «Я твои целую руки, моя родная»... – Я очень рыдала в детском доме, когда слушала песню про маму.

У Даши очень своеобразные отношения с болью. Она кричит из-за царапин, которые не оставляют и следа, и равнодушно реагирует на то, что может порезать себе палец или уронить что-то тяжелое на ноги. На мой испуганный взгляд только улыбается:

– Не больно, не больно, – и идет дальше.

После каникул мы идем в школу – и вот тут Даша начинает впервые кричать в голос. Она не может пройти семь-десять минут до школы и кричит:

– Почему школа так далеко!

Изумлению моему нет предела. И в школу она уже ходила, и ранец носила, и уроки делала – но вот сейчас все не то и не так.

Одно из объяснений этому – сразу же после приезда врачи обнаружили у Даши сильную анемию и восстанавливали ее очень длительно – Даша в итоге полгода пила железо и до сих пор пьет йод.

Даша, как выясняется, очень не любит громкие звуки. Как она, бедная, детей в школе переносит... автобус даже подъезжает, она уши закрывает... пылесос не переносит... не знаю, почему. Пылесосом теперь не пылесосим). Фен! О, фен – это кошмар. Такие волосы!... И Даша ненавидит фен. Сначала убегает, когда его я несусь в зал, потом вопит и ноет все время, пока сушим волосы – а волосы – шелк в пятьсот слоев! невозможно же просушить эту гриву, мы

выбрили треть затылка, чтобы после бассейна (четыре раза в неделю) просушить успевать на перемене, и все без толку!

Ест за троих – где-то две недели, потом она станет очень избирательной в еде. Терпеть не может школьную еду. Я говорю ей, что ведь тоже готовлю совсем обычные вещи – ну, разве что фруктов у нас всегда переизбыток, но она отвечает:

– Нет! Я рыбу у них вообще не могу есть! А у тебя она другая совсем! Делай мне рыбу, я съем.

Набирать вес она не будет почти до зимы – совсем.

Когда я иду куда-то с Дашей по делам, я знаю, что она будет невозмутима, спокойна, вежлива. В крайнем случае, если устанет, она ляжет головой ко мне на колени или потянет за руку, сказав:

– Пошли уже, Наташ...

Лалёна..... Лалёна вертится, когда устает, смеется, как правило, ее воспринимают как невоспитанного ребенка.

Но спроси при этом у Даши – что мы делали, что вокруг происходило? Не ответит и растеряется. Если не вручить для пережидания игрушку или блокнот с карандашом, просто отключается от происходящего и ждет, пока мы уйдем, смотрит по сторонам, но ничего не видит. Лали при всей своей подвижности расскажет, на кого похожи операторы в банке, кто в очереди смеялся, а кто скучал, сколько детей было рядом с нами и как менялась погода за окном.

Мы проходим комиссию в школу. И теперь нам надо пройти кучу врачей – понятливого и доброжелательного участкового педиатра я прошу оформить максимально полное обследование.

Вес Даши – восемнадцать килограммов, рост – сто шестнадцать сантиметров, возраст – семь лет девять месяцев.

Даша требует после каждого захода в кабинет врача сдавать кровь. Это временами напоминает одержимость. В какой-то момент мне приходится оттащить ее от кабинета, а она плачет так, что на нас оборачиваются, хотя в больнице уже ко всему привычные.

– Хочу сдать кровку!! Зачем сюда мы ходили, в больницу эту, если кровку мы не сдали! Пусть мне колбу дадут! Где мне колба? Я кровь хочу сдать!

Бабушка присылала Даше посылочки, и в посылочках обязательно журналы. Даша смотрит их подолгу, сама делает поделки из них, выполняет задания. И Лали приучила – Лали вскорости начала у своей бабушки спрашивать журналы и сидеть с кроссвордами, загадками, историями – часами.

На Лабиринте я заказываю таблицы Зайцева. Очень нужны нам таблицы по русскому языку, но их, к сожалению, нет. Таблицы по математике вешаем в коридоре. Сейчас уже мы все привыкли к ним, и потребность в них меньше, а первое время – это было очень захватывающе для детей – девочки подолгу стоят перед таблицами. Следят за изменением сумм и разностей, завороченно изучают счет, часто я говорю им, чтобы посмотрели ответ – бегут и находят, самим интересно. И мне нравится – часы, минуты – наглядно, сложение, вычитание – красиво и понятно, все представлено логично и не сложно.

Даша решает примеры и крутит спиннер. Решает, крутанет спиннер и решает дальше – один из нейропсихологов, с кем я позже консультируюсь, говорит:

– Пусть крутит, это не отвлекает, это даже полезно.

Ну, пусть крутит. Хотя выглядит странновато. Жук в муравейнике...

Еще у нас появляется батут. Мы отдаем Лаленину кровать, которая даже не чердак, а город, верой и правдой она служила ей два года, вмещающая в себя книжный шкаф, шкаф для платьев, комод и собственно кроватку. За кровать, которая была сконструирована по моему проекту и являлась моей гордостью, нам и привозят погонять батут.

Тот же нейропсихолог, когда я рассказываю о том, что девочки готовы часами, без преувеличения, скакать на батуте, одобряет:

– Здорово. Пусть прыгают. Там такой важный момент невесомости получается... И еще есть несложный способ перераспределять внимание – прыгать и рассказывать стихи. Считалки говорить, петь, в ладоши хлопать...

И девочки прыгают на батуте – он стоял у нас больше полугода. Мы собирались убрать его осенью, но оставили почти на всю зиму – настолько он стал частью нашей жизни.

Это на время совсем превратило нашу жизнь в бесконечное прыгание и мельтешение. Когда я спрашиваю у девочек, не надоел ли батут, может, убрать его, они хором кричат:

– Не убираем! Не убираем!

Не убираем.

Уроки. Вот почему-то именно уроки даются сложно. И программа «Школа России» – проще некуда, и задания в большинстве своем кажутся мне понятными для почти восьмилетнего сохранного ребенка – нет, именно с уроками сложно. На продленке уроки не делают. Разрисовывают однообразные раскраски, шумят, галдят, утыкаются в смартфоны, делают графические диктанты, гуляют изредка, но уроки – нет. Не знаю, что за своеобразная система присмотра за детьми – но уже что есть. Соответственно – во второй половине дня – Даша, за работу. Ну и практически всегда – без толку оно, Даша уставшая. Играть, гулять, по любым дополнительным заданиям работать – с готовностью, а ненамного отличающиеся уроки в школьных тетрадях – нет, как будто отключается мозг.

Если я привожу Дашу с уроков на работу, тоже в результате не все ладно – и она отвлекается, и мне приходится уделять ей время урывками, и все скомканно проходит. Я не могу понять, как можно не понять, сколько будет четыре минус три, Даша не может понять, чему я так расстраиваюсь, и про четыре минус три она тоже понять не может – в большинстве случаев, если это школьные уроки. И все наши старания – через непонимание и напряжение. Совершенно бессмысленные ответы чередуются у нее с точными и быстрыми, и меня это совсем сбивает с толку.

Так наше завершение первого класса Дашей и барахлит, как мотор глохнет – рывками, надсадно и то с надеждой, то с усталостью.

Старшая и младшая.

– Мам. Как у медуз рождаются дети-медузята?

– Я не знаю.

– Но как! Ты же психолог?!

– Лаль, мы в магазин едем. Напоминай мне там, что нужно. А то я не запомню.

– Я сейчас список писать буду.

– Пиши только разборчиво, чтоб я поняла.

– Я нарисую.

– Ага...

– Рунами!

– О боги...

Рунами – зубную пасту, йогурт и молоко.

– Гадюка!

– Кто?

– Сапог!

– Это почему он гадюка?

– Не надевается!

– Мам, давай будем делать вирусы. Давай лепить?

– Давай.

– А ты знаешь, как делать вирусы? А то я скажу.

– Давай.

– Надо вылепить кружочки. А потом еще кругляшки и из них делать иголки. А вот и вирусы! Будем лепить вирусы? Это интересно. Вот бери кружочек – лепи маленького вирусика... Да нет, углы, углы лепи, потом они цепляются углами за животик и там остаются.

– Это кто тебя учил?

– Да чо... Это в садике нас учили.

Песня.

– И жили они долго и счастливо,

И умерли в один день,

И чтоб им не было скучно,

Их похоронили в одном гробу!

Разглядывает не помню что:

– Это что сверху? А, это же непонятно что.

– Мама, а что быстрее сделать: мультфильм или кошелек?

– Мам, смотри динозавр какой – с шиповочками на спине и мелкостями!

Ла – это вечный драйв, шум, протест и взятие какой-нибудь Бастилии. Лали почти всегда что-нибудь напевает – у нее идеальный слух, и мне очень жаль, что рядом нет ни одной музы-

кальной школы или студии. Лали ходит с восьми месяцев и говорит предложениями с года. Лали стремительная, смешливая и ловкая. Ей удастся все, за что она берется, а берется она за все подряд – рисует, сочиняет сказки, строит дома, лепит чудных глиняных и пластилиновых зверюшек, любит готовить несложные вкусности, хорошо ладит с маленькими детьми и неплохо для ее шести лет читает. Да, шести – от момента принятия решения о приемном ребенке до описываемого времени прошло полтора года.

Выглядит она очень смелой, настойчивой, и неумной временами. Она – первая девочка, родившаяся в нашей семье за тридцать пять лет, и это сказывается: с ней носились бабушки, ее обожали тетушки, и даже не четверо двоюродных братьев и друзья (исключительно мальчишки) повлияли на Ла милитаристски, скорее она сама – сгусток энергии, далеко не всегда созидательной.

Когда Лали недовольна, это не может остаться незамеченным – она хмурит брови, фыркает, всячески выражает презрение к происходящему и требует свое. В то же время она очень нежное существо – переживает за любую попавшую в беду живую душу и спасает любую червячину, заползшую куда не надо. И вот такой Лали досталась в сестры такая девочка, как Даша.

Даша немного поверхностна, она удивительно спокойно, неторопливо и доброжелательно общается. И даже в моменты, когда она чем-то удивлена, расстроена или раздражена. Иногда не верится, что этот крошечный ребенок такие фразы и обороты знает.

Если просыпались сухарики или сладкая соломка на землю, то в истерике никто не бьется – Даша подумает, улыбнется, и махнет рукой:

– Голуби съедят.

Если в игре кто-то схватит ее вещь, она спокойно скажет:

– А, ты мой самокат взял? Поставь потом на место, пожалуйста, ладно?

Если при ней кого-то похвалят, она улыбается счастливее похваленного, и искренне радуется тем, как человеку приятно!

Если Даша покупает что-то на деньги, которые я ей даю, она обязательно предложит со мной поделиться. Она никогда не возьмет ничего, не спросив, можно ли. Она никогда ничего не делает напоказ – не считая моментов, когда она бесится и чудит, тогда она не уступает Лалене в сумасбродстве.

Такие дети редко бывают, правда. В ней как будто изначально настроен какой-то точный инструмент для улавливания сути происходящего, тональности событий и меры в них участия.

– Наташа же сказала – надо доедать, Лали?

– Лаль, кем ты будешь? Давай, ты сама выберешь? Вот хочешь, ты мама будешь по игре, и потом сердиться не будешь? Будь умницей!

– Наташа, я уже три печенья съела. Ты сказала, много не надо. Если я съем еще одно, будет это много? Я потом обед весь съем, правда!

А временами разговаривает, как сапожник.

– Наташ, это что ты такое покупаешь?

– Авокадо.

Морщит нос и разглядывает с подозрением.

– Чего с ним делают?

– Едят, в салат или так.

– Оййй, ё-маё...

Вечером съедает с невероятным аппетитом, сначала как добавку к бутерброду с колбаской, потом, распробовав, ест так – по две-три штуки в день – пока завоз авокадо в нашем «Магните» не заканчивается.

Та же история (и в изумлении, и в выражениях) с болгарским перцем.

– Стопэ, стопэ, Лаль, это что ты ешь? Помидору?

– Перец.

– Вкусно?

– Вкусно.

Лалена с появлением Даши стала на время более раздражительной и легко расстраивающейся. Ей не было просто, и не просто до сих пор. Ей все время кажется, что я уделяю слишком много времени, сил, внимания Даше – и она беспрерывно протестует. Один из видов протеста – болезнь. Болела Лали всю весну, и летом – каждые, в среднем, три-четыре недели. И я весь мозг себе съела, что вооооот, привезла приемного ребееееенка, родная дочь болееееет... Но уже привезла. И уже осенью, когда Лали пошла в школу, стало легче – до следующего лета болела она всего трижды. С новым странным ощущением – Лали болеет, и мало что можно с этим сделать, и отчасти это, возможно, связано с появлением Даши, мне было очень и очень непросто.

Вспомнив прочитанное на одной из конференций – делите приемных и родных сиблингов, а объединиться они и сами смогут, когда готовы будут – я делила время, которое мы проводили с девчонками: одна у нейропсихолога, со второй несем ноутбук в ремонт. Одна у бабушки, со второй гуляем. Одна со мной на работу, вторая с няней дома. Одна смотрит мультики, со второй сидим – разговариваем.

Постоянно, постоянно почему-то все спрашивают, глядя на Лали:

– Сколько вашей старшей?

– Старшая – это вот эта. А вот эта – она младшая, и ей шесть (теперь – семь).

– Ого. А вторая девочка?..

– А второй восемь.

– Такие разные... Одна – мама, вторая – папа?

До сих пор не знаю, как на это отвечать. Во-первых, они обе, на самом деле, немного в папу и немного в маму – одновременно, как это бывает. Во-вторых, скажи я, нынешняя мама, что Даша, вообще-то, тоже в маму, это будет просто нелепо выглядеть.

– Ну, да, наверное.

Какое-то время я сама прислушивалась и присматривалась – кто старший у нас в итоге, а кто младший. Очевидно и понятно не было. Даша и пришла в семью позже Лали, и внешне она меньше Лали – существенно. И Даша первые полгода – семь приблизительно месяцев вела себя очень по-детски и производила впечатление действительно более младшего ребенка. Она не знала, что ей делать, если я не занималась с ней чем-нибудь интересным, не могла объяснить никакое затруднение, ей было очень сложно что-то выбирать – если она не была в слезах и настойчивых требованиях чего-то определенного, то чаще всего говорила мне:

– Скажи, что мне выбрать? Я не знаю.

Все изменилось позже, когда она подросла и не просто стала выполнять все, о чем ее попросишь, но и начала лучше слышать себя.

Слышать себя – это прекрасно. К этому слышанию, правда, стремительно добавилась требовательность, – не менее лихая, чем у Лалёны. А может, у Лалёны и насмотрелась, ей-богу – я иногда замечаю, что Лали что-то отчаянно хочет «вот сейчас, немедленно, вынь да положи, срочно», и Даша, вроде бы просто тихо присутствовавшая рядом, через время, бывает, значительное, включается с той же песней, но уже на турборежиме. Причем изначально ей Лалины требования вроде ни к чему, и Лали уже забыла или получила, чего хотела, но вот же...

Даша как будто насквозь пропиталась Лалиной потребностью, и эта чужая потребность, как вода из переполненной чашки, начинает литься через края. Какая-то способность прокрашиваться чужими эмоциями утрированная. Но мы справляемся, и это крен, надеюсь, временный – Даша все чаще ведет себя независимо и уверенно.

В конце концов как-то само собой сложилось, что младшая Лали – она и есть младшая. И так оно и непротиворечиво поправляются все желающие понять, кому из девочек сколько.

Младшая Лали оказалась слишком маленькой, чтобы спокойно пережить появление Даши. Всем знакомым она рассказывает, что у нее есть сестренка, что мы взяли девочку из детского дома. Она специально просила привести Дашу в сад, чтобы показать ее девочкам из группы. Она постоянно спрашивает:

– А Даше? – если я что-то покупаю ей самой. Она может встать рано-рано и громким шепотом спросить:

– Мам, Даше лекарство пора давать?

Но... Она с большим трудом привыкала, что с нами живет теперь еще кто-то. Постоянно удивляется, если Даша что-то делает не так, как мы привыкли – с криком бежит ко мне, чтобы рассказать, что Даша на ее замечания не реагирует. Обращается с любым возникшим затруднением или вопросом по поводу Даши сначала ко мне. Очень устает от Дашиных криков, с трудом может играть со своими игрушками вместе с сестрой, в общем, на какое-то время суетливости и нервозности прибавилось. Мои слова про сестру – почти любые – Лали не слышит. Вернее, слышит – но объяснения, что Даше труднее нас, что у нас дома поселился новый человек, и все остальное у нас по-прежнему, а у Даши изменилась вся жизнь, что мы все привыкаем друг к другу, что Даша маленькая и внешне, и внутренне, но она растет, растет и вырастет, что мы обязательно побольше времени проведем вместе на выходных, пока Даша высыпается за всю неделю, помогают совсем ненадолго.

Я могу посидеть подольше с Лали и сделать ей массаж, пока Даша заснула – чаще всего Даша засыпает мгновенно, если уж ляжет, главное – уговорить лечь. Могу проводить с Лалёной побольше времени, забрав ее из сада или, позже, школы, пока Даша на продленке занимается с логопедом. Могу читать любимые сказки, сидеть с ней рядом, пока она в ванне, терпеливо держать ее немаленький для шести лет вес на коленях, ей ведь сейчас это так нужно... Всего этого мало.

Буквально через несколько минут после того, как младшая дочь наталкивается на маломальский конфликт интересов со старшей, все по-прежнему:

– Мама, пусть она замолчит! У меня уши болят, когда она ноет!

– Мама, она положила бассейн в сумку для физры. А ты сказала, что для всего своя сумка!

– Мама!!! Она опять надетое к ненадеванному сложила!

– Мама! Она берет мои карандаши! Она говорит, что это ее. А кажется, это мои!

– Мама, почему она опять говорит неправильно? Даша, «уже», а не «узе», сколько тебе повторять!!

– Мама, да я же не могу читать, когда она вопит!

– Даша! Тебе сказала мама, поздно уже гулять! Мы когда пришли?? Ты разденешься или нет?! Мама, сколько можно ей плакать, зачем ты ее утешаешь, в угол ее!

И еще миллион поводов раздражаться.

И очень усугубляет ситуацию то, что Даша вину чувствовать не умеет (это и неплохо). И извиняться не может, даже если откровенно натворила чего попало (тут сложнее).

Даше не свойственно соперничать или обижать детей. Она не суетлива – веселая и любопытная. Она очень дружелюбная, мне кажется, все плохое она просто не замечает и оно к ней и не липнет – как к Элизе из «Диких лебедей».

И вот эта девочка временами меняется до неузнаваемости.

– А у меняааа какие руки! Я их счас третий раз помою. Наташа, скажи этому зомби, чтоб он меня не трогал, пусть сначала успокоится и помоеет руки! Иди помой руки! Иди, иди, будь умничкой!

– Это целебные корешки. А «не корешки» – нецелебные, понимаешь, Даша? Весь остролист я забираю, тааак... вот сюда положу... вот у нас семечки... Так. Я пойду еще рецепт наберу, хорошо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.